

Предисловие Николая Старикова

Наполеон. Взгляд из Франции

Сегодняшние процессы европейской интеграции — далеко не первая попытка создать «единую Европу». Таких попыток было огромное множество, но лишь самые успешные из них вошли в историю. Одно правило соблюдалось неуклонно, и оно диктовалось геополитикой — противника нужно ослаблять и раскалывать. Именно поэтому каждый «евроинтегратор» обязательно хотел расчленить Россию, чтобы части нашей территории включить в свою сферу влияния, ослабить и контролировать. Самым известным и самым удачливым «объединителем» европейских земель был Наполеон. Его Европа просуществовала дольше всего, но и она рухнула, когда он попытался покорить Россию. Вслед за «евроинтегратором» Бонапартом к нам пришел «евроинтегратор» Адольф Гитлер, и его Третий рейх рассыпался в прах. Что «Великая армия» Наполеона, что гитлеровский вермахт и войска СС состояли из представителей всех европейских наций — это был поистине «вооруженный Евросоюз», который пришел на нашу землю жечь и убивать. Сегодня мы ощущаем очередную волну этих попыток. НАТО у наших границ, война на Украине, то есть уже в рамках Русского мира.

Россия отправляла в политическое небытие всех «евроинтеграторов» — не будет исключением и судьба нынешних, которые сегодня не имеют персонализации и скрываются за всевозможными «еврокомиссиями» и «советах Европы». Угрозы со стороны «европейских партнеров» не меняются для России на протяжении веков. Под аккомпанемент слов о «русской опасности» европейцы раз за разом нападают на нас и пытаются уничтожить русскую самобытную цивилизацию.

Поэтому изучение нашего прошлого обязательно поможет нам в будущем. А что предполагает изучение? Знание фактов, геополитической подоплеки событий, истинных причин ходов за «великой шахматной доской».

Что приходит на ум при упоминании Наполеона Бонапарта? Худой юноша, артиллерист, так наладивший огонь артиллерии под Тулоном, что город был взят? Солнце Аустерлица? Аркольский мост, когда он поднял упавшее знамя и первым бросился под пули? Или въезд в Москву, который закончится ее пожаром и его разгромом? Либо возвращение Бонапарта из ссылки, его «сто дней», когда королевский режим рассыпался в считанные дни, а посланные его поймать солдаты и офицеры плакали от счастья и целовали обшлаг его сюртука? Баловень судьбы и трудоголик, самодур, принимавший решения единолично, собравший блестящую плеяду полководцев и государственных деятелей. Уже давно Наполеона не было в живых, а «птенцы гнезда Бонапарта» по-прежнему управляли Францией и защищали ее интересы.

Наполеон Бонапарт — одна из самых удачливых и одновременно трагических личностей в истории. Его любили десятки миллионов, ненавидели — столько же. Но время все расставило по местам. Сегодня ненавистники Наполеона практически перевелись. Бонапарта либо любят, либо просто к нему равнодушны. Из всех властелинов прошлого именно он оказался наиболее симпатичным истории. Человеческую кровь рекой лили многие, но коньяки и пирожные назвали только в честь Наполеона...

Глава VI

ПОХОД В РОССИЮ

Гибель великой армии

1812

1. Разрыв между Наполеоном и Александром

Союз Наполеона с Александром, заключенный в Тильзите и, по-видимому, еще теснее скрепленный в Эрфурте, закончился открытым разрывом. Главными причинами его являются: во-первых, поведение России во время войны 1809 года; во-вторых, неудавшаяся русская женитьба Наполеона и его австрийский брак; в-третьих, последствия континентальной блокады для России; в-четвертых, беспокойство, внушаемое Александру бесконечным расширением империи Наполеона; в-пятых, территориальные присоединения 1810 года и ольденбургское дело; в-шестых, польский вопрос.

Поведение России во время войны 1809 года. Ранее мы ознакомились с теми надеждами, которые возлагал Наполеон на энергичные действия России. Он рассчитывал сначала, что Россия помешает Австрии начать новую войну с Францией, а потом что она сделает сильную и лояльную диверсию, чтобы отвлечь силы Австрии. И вот Россия не оказала ни одной из этих услуг. Язык русской дипломатии умалчивал кое о чем, и это ободрило Австрию; а вмешательство русской армии было и вовсе вяло.

После окончания войны Наполеон горько жаловался на слабость той помощи, которую он встретил со стороны своего тильзитского союзника. «Вы вели себя совершенно неопреде-

ленно», — говорил он Куракину. Россия оказалась безоружной перед Наполеоном, когда в Шенбрунском договоре решалась судьба австрийской Галиции. Наполеон присоединил к своему великому герцогству Варшавскому территорию с 1 500 000 душ; Россия должна была довольствоваться восточной Галицией с 400 000 жителей — это была очень незначительная компенсация за тот новый толчок, который получили польские национальные вождения благодаря трактату 1809 года.

Неудавшаяся русская женитьба; австрийский брак. Выше мы видели, как Талейран нашел самое верное средство, чтобы подготовить расстройство брачного союза, к которому так стремился Наполеон. С того момента, как по совету этого дипломата Александр склонился к мысли предоставить разрешение этого дела своей матери, вдовствующая императрица Мария Федоровна ставила одно препятствие за другим; она оправдывалась учением православной церкви, которая запрещала брак с разведенным. Раз Наполеон отверг первую свою жену, где ручательство, что он не поступит так же со второй? Великая княжна Анна была уже невестой принца саксен-кобургского; наконец, вдовствующая императрица ставила требование, чтобы в Тюильри было православное духовенство и домовая церковь, так как русские великие княжны никогда не меняют веры. В сущности, она очень польщена была предложением Наполеона; она отлично понимала разницу между императором французов и принцем саксен-кобургским; когда дело разладилось, она испытала горькую досаду и упрекала своего сына, но, не любя самого Наполеона, она хотела доставить себе удовольствие, заставляя его подождать. Со своей стороны и царь стремился припутать к этому матримониальному вопросу другие вопросы, поставить окончательное согласие свое на этот брак в зависимость от уступчивости Наполеона в немецких и польских делах. Он играл с достоинством своего тильзитского союзника, его самолюбием государя

и человека. Он не отдавал себе ясного отчета в том, насколько пламенно было у Наполеона стремление скорее обеспечить преемственность своей династии.

В то самое время, когда Россия притворно заставляла себя упрашивать и требовала такой высокой цены за свое согласие, Австрия в силу неожиданного поворота, который объясняется ее страхом перед возможностью упрочения надолго франко-русского союза, изъявила свою готовность отдать Наполеону руку одной из эрцгерцогинь. В декабре 1809 года посол императора Франца в Париже, Шварценберг, сделал предложения в этом же духе министру иностранных дел герцогу Бассано. Он заранее уже добился согласия своего двора, чтобы иметь возможность дать утвердительный ответ в ту самую минуту, когда сделано будет предложение. По поводу этого двойного матримониального вопроса Наполеон два раза торжественно совещался с высокопоставленными лицами империи. В тот самый день, когда подписано было соглашение с Шварценбергом, Наполеон отправил в Россию курьера «сказать, что я склонился в сторону австриячки».

Тщетно Наполеон расточал после этого царю уверения в том, что его дружба к нему осталась прежней — факт, что новая императрица французов была австрийской эрцгерцогиней, а не русской великой княгиней, становился очень важным. Если даже франко-русский союз будет держаться, один существенный элемент его все-таки исчез, а именно — доверие и сердечность. Вскоре во французской политике замечается новое направление. В то время как прежде наибольшим почетом в Тюильри пользовался русский посланник, то теперь его место занимает австрийский, выдвинувшийся вперед в качестве посланника родственной фамилии. В восточных делах та точка зрения, которую еще недавно занимал Наполеон, вдруг резко изменилась. Он внял жалобам австрийского посла на ненасытные притязания России и вернулся к былым талей-

рановским проектам об Австрии, прочно сидящей в дунайских областях. Французский посол в Вене, Отто, скоро получил указание (26 марта 1811 г.), что Франция поддержит Австрию, если последняя выступит в Константинополе против занятия Белграда сербами, союзниками русских. Франция изъявляла готовность взять на себя «такое обязательство, какое венскому двору угодно будет поставить». Наполеон писал своему послу в Петербурге Коленкуру, что война между Францией и Россией может вспыхнуть в любом из двух случаев: во-первых, если будет нарушен Тильзитский договор; во-вторых, если русские перейдут Дунай.

Последствия континентальной блокады для России. Континентальная блокада налагала тяжкие лишения на всю Европу, как и на саму Францию. А между тем как от своих вассалов, так и от союзников Наполеон настойчиво требовал проведения этой системы с безжалостной строгостью. Особенно обвинял он нейтральных, например американцев, флагом которых прикрывались английские суда, нагруженные английскими товарами. Но вот в 1810 году по Балтийскому и Немецкому морям блуждало шестьсот судов, нейтральных или якобы нейтральных; все они искали места выгрузки и, отвергнутые Россией, находили возможность сваливать свой груз в некоторых немецких гаванях, причем остров Гельголанд служил им базой для снабжения себя припасами. В письме от 23 октября 1810 года Наполеон требовал от Александра, чтобы с этими мнимыми нейтральными обходились со всей строгостью. Россия страдала от перерыва торговых сношений с Великобританией, ибо русское поместное дворянство нуждалось в Англии для сбыта хлеба, конопли, сала и леса со своих поместий. Наоборот, торговля с Францией, целиком сводившаяся к ввозу предметов роскоши и вин, была для русских только убыточна. Между тем как турецкая война закрывала для вывоза Черное море и Восток, континентальная блокада закрывала

перед ними северные моря. Рубль, стоивший 67 копеек еще в 1807 году, в 1810 году стоил только 25 копеек. Как могли наполовину разоренные помещики справиться с налогами? Отсюда оскудение казны и полное ослабление военной мощи России. По совету Сперанского, царь обнародовал декабрьский тариф 1810 года. Этот тариф, больше всего затрагивавший торговлю с Францией, налагал пошлину в 80 рублей на бочку вина, совершенно запрещал привоз водки и предметов роскоши. Дан был приказ сжигать всякий товар, привезенный контрабандой. Наполеон увидел в этих мерах нарушение статьи 7 Тильзитского трактата и обнаружил сильнейший гнев. Он поручил своему министру написать Коленкуру: «Император сказал мне, что он лучше желал бы получить пощечину, чем видеть сожжение произведений промышленного труда своих подданных». Мог ли он «на той высоте славы, куда он поднялся», терпеть «то, чего не стерпел бы даже Людовик XV, дремавший в объятиях г-жи Дюбарри?» На эти представления русские отвечали, что это — дела внутреннего управления, что такое сожжение практикуется со времен Екатерины II, что Наполеон и сам повсюду велит сжигать контрабанду; что Россия, лишенная для своего вывоза каких-либо рынков, имеет право стеснять ввоз, который грозит ей разорением. Наполеон упирал на то, что Россия не предупредила его, что сожжение — прием слишком оскорбительный, и т. п. К этим обвинениям присоединился целый ряд других одинаково щекотливых вопросов.

Разочарование России в шведских и восточных делах.

Не то для удовлетворения собственных своих вождений, не то из желания выполнить условия Тильзитского договора, Россия навязала себе целых пять войн: во-первых, войну с Англией — единственным ее результатом пока было пленение флота Сенявина, укрывшегося в устье реки Тахо и вынужденного сдаться одновременно с армией Жюно (в Синтре в 1808 г.); во-вторых, войну 1809 года с Австрией, — эта вой-

на дала России в виде компенсации за расширение Польши лишь приобретение восточной Галиции; в-третьих, войну с Персией, начатую в 1806 году и затянувшуюся до 1813 года; в-четвертых, войну с Турцией, начатую также в 1806 году и продолжавшуюся до 1812 года; в-пятых, войну со Швецией, которая блистательно началась в 1808 году завоеванием Финляндии и продолжалась зимой 1809 года, когда русские, захватив Аландские острова, перешли по льду Ботнический залив под командованием Кальнера, Багратиона и Барклая-де-Толли и перенесли военные действия на берега Швеции. Все эти войны либо принесли России одни разочарования, либо обнаружили известные результаты лишь позднее, как это было, например, с Персидской войной. Мы видели, как с 1810 года русские должны были убедиться, что они не могут ни занять Константинополь, ни завоевать Болгарию, ни даже удержать за собой большую часть румынских областей. Самая удачная из этих войн — шведская, которая принесла России обширную провинцию и драгоценный оплот против Швеции в лице Финляндии, — все-таки не примирила русского общественного мнения с французским союзом. При каждой победе петербургская аристократия говорила с притворным сожалением: «Бедная Швеция, бедные шведы!», и та самая Финляндия, которую так долго домогались, утратила в русских глазах всю свою цену с тех пор, как она стала казаться подарком Наполеона. Когда свергнут был Густав IV (13 марта 1809 г.), когда его сменил старый Карл XIII, все еще благосклонно относившийся к французским идеям, и когда, наконец, в 1810 году штаты Швеции избрали наследным принцем одного из наполеоновских маршалов, Бернадотта, русское общественное мнение, не знавшее того, насколько доволен был сам Наполеон подобным выбором, почувствовало себя словно еще раз обманутым. Император сделал попытку пояснить истинный характер этого избрания. В Петербурге ему не поверили.